

ГДЕ ИСКАТЬ ОСНОВЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И РЕЛИГИЙ?

Аннотация

Статья посвящена кажущейся легковесной и перенасыщенной штампами дискуссии о проблемах диалога культур и религий. Проблеме, на которую автор попытался посмотреть свежим взглядом. Начиная с известных определений и связи идеи диалога с идеей толерантности, автор переходит к соответствующему анализу, стремясь структурировать как то, что препятствует реально развернутому диалогу или, точнее выражаясь, полилогу культур и религий, так и самой проблеме разнообразия, которое, в свою очередь, и в мировой истории, и в современной реальности, и в различных геополитических и социокультурных ситуациях играет далеко не однозначную роль. Отдельно уделяется внимание специфике монотеизма, энотеизма и политеизма в сферах диалога и того, что ему препятствует, включая и корыстные интересы определенных кругов элит и псевдоэлит. Особо подчеркивается значимость и ответственность «образованного класса» в сфере, чреватой опасностью ожесточенных конфликтов. Главный же фактор, призванный стать основой диалога культур, религий и цивилизаций, автор усматривает в ответе на общие вызовы и совместном решении жизненно важных задач, встающих перед представителями различных социумов.

Ключевые слова: диалог культур, полилог, толерантность, «цивилизованный компромисс», культурный шок, политеизм, энотеизм, монотеизм.

Автор

Бондаренко Юрий Яковлевич

Кандидат философских наук, профессор сибирского отделения Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры, член конгресса религиоведов Республики Казахстан (Костанай, Казахстан)

Выражения «диалог культур» и «диалог религий» стали расхожими, хотя, затрагивая такую многогранную тему, точнее было бы говорить не о диалоге, а «полилоге культур и религий», то есть о некоем бахтинском многоголосье, в рамках которого привычная дихотомия «Восток — Запад» является упрощением. Однако в статье мы с вами будем в основном опираться на более привычное понятие, подразумевая под этим его определенную условность.

Размышляя о диалоге культур (органически включающем в себя диалог религий), известный востоковед М. Степанянц пишет: «Диалог культур должен, безусловно, базироваться на

толерантности, понимаемой как норма «цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и готовности к принятию иных логик и взглядов», создающая условие для сохранения разнообразия, своего рода исторического права на отличность, непохожесть, инаковость.

Однако же толерантность — это лишь минимальная этическая норма бытования в поликультурном обществе. Терпеть, допускать, мириться с инаковостью слишком мало! Важно не только терпеть и поддерживать многообразие, но и максимально пользоваться им для совершенствования индивидуального и общественного» [1, с. 147].

Учитывая значимость и содержательность этого определения, пойдём дальше и попытаемся взглянуть на такой диалог, как не просто на поиски его идейных возможностей, а как на нечто более сложное, многоаспектное, базирующееся на исторической необходимости сосуществования и взаимодействия (подчас сопряжённого с жесткими конфликтами) различных составляющих того мира, который мы именуем человечеством в его историческом развитии.

Именно проблемы выживания и, как составляющей борьбы за выживание, сплошь и рядом перерастающей в борьбу за доминирование, определяют в конечном счёте и специфику диалога в разных социокультурных и исторических условиях.

Начнём с краткого, буквально пунктирного очерка ряда составляющих того, что может препятствовать такому диалогу, осложнять его или при определённом отношении к данным составляющим ему сопутствовать и способствовать.

Первая группа — эмоциональные составляющие, слитая со второй — обычаями и традициями.

Третья — мировоззренческие, сопряжённые с картинами мира и сопутствующим им моделям поведения.

И четвёртая — это исторические и социокультурные элементы решения задач выживания, самосохранения социумов и все то, что с этим сопряжено.

Мир эмоций принципиально значим. Исторически и особенно индивидуально он может предшествовать образно-рациональным представлениям и логическим ходам. Иными словами, страх, стыд, отношение к наготы и сексуальности могут предшествовать их вербализации, а то и вовсе не подкрепляться ею. Так, например, в определенных культурах прилюдное обнажение, прилюдный секс воспринимается как постыдное, и сцены, связанные с этим, могут вызвать культурный шок. Корни

таких эмоций исторически кроются в религиях, хотя на личностном уровне их могут испытывать как, скажем, верующие христиане и мусульмане, так и те, кого относят к неверующим.

Со временем эти эмоции сливаются с эмоциями, зримо мотивированными обычаями и конкретными представлениями о мироздании в целом, либо тех или иных его элементах.

Вспомним шекспировского Отелло. Мавр задушил жену не просто из ревности, понимаемой в современном смысле вестернизированного индивида начала XXI века. На него давило, разжигало в нём дикий пожар страстей его ощущение ужаса положения мужарогоносца. Ведь он не был, скажем, французом XVIII века, где адюльтер воспринимался в порядке вещей и, как упоминается в одном из исторических романов (вполне понятно, что роман обычно стремится передать дух времени, а не строгую достоверность нюансов) в куртуазной Франции, где даже знать страдала от холодов, вполне приличные дамы за соответствующее количество дров могли подарить свою ночь благодетелю. Иначе говоря, шокирующее в пределах одного социокультурного «среза» могло не являться таковым в «срезе» ином, хотя и там, и тут мы погружаемся в мир христианства.

Что крайне важно, относительность триггеров переживаний и эталонных ценностей либо пределов допустимого не отменяет абсолютности таковых триггеров в пределах конкретных картин мира и моделей поведения. Причем абсолютности, способной оказаться крайне жесткой, наглядно и с большой художественной силой проиллюстрированной в рассказе Р. Киплинга «Возвращение Имрея» [2, с. 365–376]. Киплинг сдержанно, но мощно излагает историю гибели англичанина, жившего в доме индийского мусульманина (обратите внимание: здесь уже суть не в исламе). Его убил хозяин дома. Почему? Англичанин погладил по головке

маленького сына хозяина и произнес пару ласковых слов: «Какой хороший мальчик!» Вскоре мальчик умер. По убеждению хозяина, постоялец сглазил сына и, следовательно, стал его убийцей. Отмщение для отца было неизбежным.

Не менее трагична история из книги Андрея Рейзвиха «Степь» [3], в которой в процессе повествования о депортированных в Казахстан упоминается «несанкционированная» кавказской общиной любовь украинца и кавказской девушки. Ночью, разобрав крышу, близкие девушки проникли в дом и убили их обоих. Обычай оказался и выше любви, и выше советских законов.

Интересно, что обычай «кровной мести», причем в своеобразной интерпретации, продолжал жить и в советское время. Вспоминается, как во время одной из многочисленных поездок по Костанайской области мы с коллегой за ночевали в гостеприимной кавказской семье (сознательно не уточняю национальность ни в первом, ни в данном случае). В разговоре за столом хозяин вспомнил соплеменницу, из-за которой он был лишен членства партии. В его понимании он должен был отплатить ей тем же и добиться того, чтобы из партии исключили и ее. И это не невежество в его банальном понимании. Это тот «пепел Клааса», который «стучит в сердце» искренне и годами переживающего человека.

Таким образом, все, что мы говорим о диалоге религий, все, что мы должны стремиться делать, должно непременно сталкиваться и с миром таких эмоций и обычаев, которые никак нельзя игнорировать.

Следующая составляющая здесь будет затронута лишь фрагментарно. Она сопряжена с такими составляющими картин мира и моделей поведения, которые восходят к священным текстам и философско-богословским трудам, включая и их «поп-интерпретации», рассчитанные на то, чтобы воздействовать

на то, что у религиоведов именуется «обыденным религиозным сознанием».

И здесь мы оказываемся перед клубком головоломных проблем. Ведь даже базовые тексты далеко не однозначны. В одной только Библии элементы Ветхого Завета оказываются в очень сложных и разнообразных отношениях с элементами Нового Завета. Так, широко известно, что, согласно Новому Завету, для Бога нет ни эллина, ни иудея. И Бог этот, в которого следует уверовать христианину, чтобы обрести жизнь вечную, троичен, но един. Аллах тоже и Творец, и Законодатель в широком смысле слова. Причем тоже един.

А как обстоит дело в Ветхом Завете? Тут, согласно еще советским исследованиям (и не только), ситуация сложнее. Здесь мы в определенных фрагментах имеем дело еще не с монотеизмом, а с таким явлением духовно-интеллектуальной жизни, которое можно назвать энотеизмом или, следуя «знаменитому индологу» М. Мюллеру, генотеизмом, то есть не с единобожием, а с однобожием [4, с. 58–59].

Энотеизму же предшествуют и одновременно с ним соседствуют, а то и в определенных, давно изученных отношениях, с ним сплетаются анимизм и политеизм.

Поскольку у нас речь идет о диалоге (в широком смысле слова), уместно рассмотреть возможные взаимосвязи анимизма и политеизма, затем энотеизма и монотеизма с возможностями диалога и взаимодействия разнородных социумов, социальных и социально-этнических групп и задачами их укрепления, их внутренней спаянности как одной из важнейших основ выживания.

Рассуждая чисто теоретически и, соответственно, упрощенно, анимистически-политеистическая картина мира — мира хаотически подвижного, «архи-многополярного», рисует модели поведения, более открытые диалогу. Здесь Высшие мистические (сверхъестественные) силы, точнее, убежденность в их существовании, определяют

три основных типа отношений к самим себе. Преклонение с переплетением элементов фатализма и формами поведения, ритуалами и заклинаниями, призванными железную фатальность обходить. Эта фраза акцентирует внимание на двух первых моментах в их взаимосвязи: преклонение и стремление воздействовать на грандиозный мистический мир с помощью способов, считающихся доступными человеку, либо избранной группе людей, как, например, брахманам в Индии, почитаемым как «вторые боги», поскольку им были ведомы должные пути и средства общения с высшими силами.

Такая картина мира в основе своей открыта. Она допускает использование самых разнородных, в том числе и «чужеродных», мистических сил в «инструментальных» целях. Упрощая, можно довольно резонно предположить, что здесь споры и столкновения разворачиваются не за Афины или Посейдона, а при попытках обрести опору в Посейдоне или Афине и т.д., как это видно уже у Гомера.

Но в этом буйно-хаотическом мире одновременно существует потребность сохранения социумов и микросоциумов и другим путем — жесткой внутренней структуризацией и консолидацией. И эта потребность рождает уже энотеизм — требование поклоняться именно такому, а не иному богу. Обратите внимание: в канонизированных переводах ветхозаветных десяти заповедей Бог требует не веры в Себя, а поклонения только себе Одному: «Да не будет у тебя других богов перед лицом моим». И это требование сопровождается самыми жесткими предписаниями, вплоть до призывов убивать даже самых близких, если они это требование нарушат: «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» (Исход, 22:20). Такая жесткость органически связана со значением верности, преданности в условиях жесточайшей борьбы за выживание. Ведь без верности, надежности выжить невозможно. Они

оказываются своего рода панцирем, способствующим выживанию социума.

Именно этот аспект социального бытия подчеркивает уже мусульманская писательница и преподаватель Максуд Рукайя, касаясь вопросов мусульманского правосудия и допустимости смертной казни в трех случаях, включая казнь за «хулу на ислам». По ее словам, «мусульман не приговаривают к смертной казни за измену вере. Никого нельзя обязать верой. И хотя многие религиозные группировки совершают подобный грех, стремясь насильно склонить других людей к вере, однако они действуют вопреки заповеди Аллаха, провозглашающего:

«*В религии нет принуждения*» (Коран, сура 2: 257).

Преступление, за которое в исламе полагается смертная казнь, состоит в неумном оскорблении, сознательном оскорблении и вероломном предательстве *уммы*» [5, с. 187].

Обратите внимание: здесь делается четкий акцент именно на значимости соответствующих норм поведения для жизни определенного сообщества.

Однако обратной стороной такой верности стало превращение скорлупы в нечто, не просто отделяющее от «иных», но и все более четко фиксирующее такое деление, что, помимо прочего, наглядно продемонстрировано в библейском рассказе о блиставшем мудростью Соломоне, который под воздействием представительниц прекрасного пола потерял с годами свою стойкость: «И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены сердце его. Во время старости жены его склонили сердце его к иным богам» (3-я книга Царств, глава 11), чем остановил Господа против себя.

Из истории хорошо известно, что браки, включая и полигамию, имели на протяжении тысяч лет и дипломатическое значение. Говоря современным языком, перед нами наглядный пример ограничения возможностей взаимодействия с миром внешним

по отношению к миру Соломона. Но пока это лишь ограничения, острие которых направлено вовнутрь. Здесь, повторимся, как заметил еще Андрей Кураев (с которым уместно спорить по поводу ислама), мы имеем дело еще не с миром веры, а, скажем своими словами, миром верности [6, с. 45–46]. В своего Бога-покровителя не надо верить в более позднем понимании слова. Ему надо поклоняться, и даже не следует думать о принесении жертв другим богам. Такие жертвы не просто акт измены, но и все равно что растрата, хищение того, что предназначено для иных целей.

Еще жестче идеальные контуры монотеизма. Здесь большая жесткость определяется иными масштабами и психо-гносеологически сопряжена с проблемой Истины. Если Бог един и один, то и законы мироздания четки, а Истина тоже одна, и вы лично ее либо принимаете, либо нет.

О каком диалоге, о каком взаимодействии может идти речь, когда вы имеете дело с тем, кто готов схватиться за оголенный провод либо подключать компьютер к утюгу?

Попытку выхода из ситуации дает утверждение о том, что Бог един, однако пути к нему (т.е. религии) могут быть разными. Но в массовом сознании на протяжении столетий довлеют иные представления, связанные еще и с тем, что множась ритуалы и предписания, способствуя четкому отделению «своих» от «чужих» (скажем, двумя или тремя пальцами ты крестишься?), одновременно создавали все больше помех для взаимодействия-диалога.

Может показаться парадоксальным, но такого рода «тренды» экстраполировались и на науку. Научное стало синонимом истинности. А истина едина: дважды два только четыре — безо всякого плюрализма. Отсюда и генетически родственный позитивизму уже своеобразный советский культ науки. У него была масса достоинств. Минусом же стало то, что было свойственно еще

сугубо «практическому» религиозному мышлению: подмена понятий, подмена магистрального, стратегического частным, ритуальным, преломляющимся и в известных дискуссиях. То есть такая подмена, при которой, как и некогда в религиозных противостояниях, позиция представителей какой-то одной научной или философской школы или «законы природы», действенные в определенных рамках, отождествляются с законами и природой вообще. И эта мировоззренческая, психо-гносеологическая составляющая — одно из серьезнейших затруднений на пути к тому, что мы именуем диалогом.

При этом уместно подчеркнуть, что подмеченная составляющая не сводится лишь к различию школ. Проблема глубже: в постоянно возрождающемся вопросе о соотношении бесспорного и относительного и даже неясного. Совершенно очевидно, что в обыденной жизни и разнообразных сферах трудовой деятельности мы просто физически не можем обходиться без мириадов абсолютов. Так, если вы хотите подняться в лифте на свой этаж, то должны нажать совершенно конкретную кнопку и т.д., и т.п. Сфера же научных, философских, технических поисков, так же, как и религиозных поисков — это сфера вершин, вздымающихся над повседневностью, требующей конкретики.

Так мы подходим к отнюдь не простому вопросу о практически значимом соотношении универсализма и разнообразия как феноменов, тесно связанных с идеями абсолюта и релятивности.

Свои размышления мы начали с цитирования слов крупного ученого об «историческом праве на отличность, непохожесть, инаковость», иначе говоря о необходимости «сохранения разнообразия».

Но, углубляясь в тему, мы невольно встаем перед вопросом: а для чего это разнообразие, какова его функциональность в истории и современном мире? Способствует оно или, наоборот,

рот, препятствует нашему стремлению к диалогу?

И оказывается, что поиски подводят нас к необходимости, пусть хотя бы и упрощенной, классификации граней многообразия, «непохожести и инакости».

Первая грань — по сути своей природная, замечательно проиллюстрированная в даосском истолковании назначения искусного корабеля, который не станет пренебрегать разным материалом. Дуб может быть использован для корпуса судна. Сосны — для мачт, а ивовые прутья — для надпалубных сооружений. Главное тут, чтобы каждое было на своем месте.

То же самое и в социально-исторической реальности, равно как и в спорте, военном искусстве и т.д.: и разнообразие народов, и разнообразие индивидов может быть использовано для претворения в жизнь массы полезных замыслов.

Вторая составляющая разнообразия — социокультурная, включающая в себя сонм обычаев и традиций. Обычаи эти для всякого нового поколения — историческая данность, и просто так отмахиваться от них не так просто, хотя история, в том числе и история новейшая, знает немало примеров социокультурной ломки. Каждый раз эта история ставит очень конкретные вопросы: что в изменениях, ломках допустимо, что окажется благим (хотя бы отчасти), а где минусы перевесят плюсы и обрекут преобразователей на неудачу?

Третья составляющая, которая может в тех или иных дозах проступить в двух первых, — это искусственное стимулирование разнообразия в корыстных целях, включающих известное с древности: «Разделяй и властвуй!»

Что же из этого в мире информационно-духовном доминирует сегодня и как это нечто способно влиять на возможности межцивилизационного и межконфессионального диалога?

По словам известного представителя пресс-службы православной церкви, редактора журнала «Фома» и профессора МГИМО В.Р. Легойды, мы сегодня живем в мире разнонаправленной информации. Друзья, к примеру, могут слушать блогеров и т.п., которые известны только одному из них. Очень интересное замечание. Верхний слой инфополей раздроблен.

А вот дальше феномен, с которым еще разбираться и разбираться. В нижнем слое, судя по тому, с чем мы неоднократно сталкиваемся, доминирует иное: надцивилизационные, надэтнические и надконфессиональные потоки, которые в случае с недавней пандемией привели к появлению феномена глобальной (хотя и летучей, как газ) квазирелигии со своими правоверными и еретиками, ваксерами и антиваксерами и многим иным, включая масштабную жесткость принудительных мер.

Сами же эти потоки, как в новейшей истории, так и в истории человечества в целом, множеством нитей связаны с нередко трагическими парадоксами человеческой истории.

Дело в том, что, как хорошо известно, идеи, логические конструкции, картины мира и модели поведения существуют не сами по себе, а в конкретных людях и конкретных сообществах, причем существуют в разнообразных исторических условиях.

Одни и те же или кажущиеся идентичными словесные формулы, «одни и те же» логические конструкции и верования в разных исторических ситуациях могут являть себя по-разному, что сплошь и рядом порождает крайне упрощенные представления о взаимоотношениях этносов, культур, конфессий, когда можно, очерчивая картины трагических коллизий времен перестройки и 1990-х годов, по-познеровски задаваться лукавым вопросом: а была ли она вообще, вошедшая в лозунговые штампы, «дружба народов»?

Представляется, что такая и подобная постановка вопросов, хотя и вы-

глядит естественной, но по своей сути и антидиалектична, и антиисторична.

Почему? Да потому, что кровавые столкновения, вспышки уличных столкновений в поражающих воображение масштабах не постоянны, а наблюдаются в конкретные периоды истории и в конкретных обстоятельствах. Причем это относится не только к России, СССР, но и к мировой истории в целом. Вспомним трагедии армян в Османской империи конца XIX и начала XX веков, чудовищные по масштабам столкновения индусов и сикхов с одной стороны и мусульман — с другой, когда по разным данным погибло от нескольких сот тысяч до миллиона человек и сдвинулось со своих мест до 14 миллионов (население недавнего Казахстана). Описаниями конфликтов такого рода можно заполнить тома и тома. Но нам для понимания реальных возможностей диалога очень важен анализ именно кризисных ситуаций.

Конечно, и бытовой национализм, и столкновения на религиозной почве бывают всегда. Но если бы они «всегда» достигали своей кровавой кульминации, человечество просто не могло бы существовать.

Так каковы же «общеисторические», региональные, обусловленные спецификой времени алгоритмы, триггеры, ведущие к взрывам? В каких обстоятельствах, по каким причинам, тлеющие угли или плотно упакованные бочки с порохом становятся детонаторами взрывов?

Здесь многое известно. Но важна дальнейшая систематизация с учетом реалий уже нашего времени.

Если вкратце, то можно упомянуть, как достойные исследования следующие факторы.

Первое — это социально-исторические обстоятельства, сопряженные с ухудшением экономической обстановки и с нарастанием у значительной части населения чувства несправедливости, ощущения ущемленности. Такое ощущение может подстегиваться и не

просто подстегиваться, а и рождаться политикой правящих кругов. Например, в начале XX века в царской России «не разрешалось даже обращение евангелия на малороссийском языке» [7, с. 366]. Серьезные ограничения касались и евреев, и старообрядцев, сыгравших видную роль в русском революционном движении.

При этом крайне важна и другая сторона: при кризисе и распаде государственности большую роль в жизни индивидов и мелких социальных групп обретают поиски иных форм опоры, нежели государство. И оказывается так, что именно наиболее связанные с государством представители «титульных» национальностей становятся и наиболее уязвимыми. Представители же «малых народов», «маргинальных» конфессиональных групп и др. оказываются более сплоченными. Такая сплоченность может использоваться для различных целей, в том числе и для подпитывания «этнической преступности», либо для обретения более удобных «мест под солнцем». Это, вкуче с прочим, рождает ответную реакцию, доходящую до уродливых форм нацизма, скинхедства или недавнего «спонтанного» убийства образованного африканца в России.

Вторым важнейшим фактором становится направляемое, а то и прямо организуемое специальными властными или окол властными структурами уже отмеченное раздражение. Причем при этом используется наиболее «зомбируемая» и наиболее подверженная манипуляции часть населения. Один из наглядных примеров — масштабно-дикие еврейские погромы в России начала XX века, ударившие, помимо прочего, и по престижу страны. По словам одного из первых лиц в государстве того времени С.Ю. Витте, Трепов — тот самый, в которого по иным причинам стреляла В. Засулич, «с легким сердцем... относился... к погромам «жидов», добавляя: «а разве он один так относился к сей кровавой по-

литической забаве? А разве Плеве был против того, чтобы в Кишиневе, Гомеле и вообще хорошо проучили жидов? А графы Игнатьевы разве не питали те же чувства? А разве вся черносотенная организация, так называемый союз русских людей не проповедует открыто избиение жидов, а ведь государь призывал всех нас стать под знамена этой партии бешеных юродивых!» [7, с. 351]. И эти «бешеные юродивые» из «Союза русского народа» названы Витте «вторым правительством» царской России того времени [7, с. 329].

И это только один пример. Многочисленные события мировой истории наглядно демонстрируют связь стихийной ненависти «масс» с направленными провокациями, будь то фрагменты верхушечных переворотов, межконфессиональные и межэтнические столкновения или события иной направленности.

И здесь уже оказывается значимым третий фактор — позиции представителей образованных слоев общества, а сегодня, говоря точнее, тех, кто имеет больший доступ к массовым средствам информации. Именно такие представители могут как нести идеи мира и гуманизма, так и сеять прорастающие кровью семена национально-религиозной розни.

Совершенно понятно, что в реальных и сегодня особенно взрывоопасных исторических условиях ни Совет церквей, ни проводимые в Казахстане съезды религий мира сами по себе не могут решить проблем реального взаимодействия и диалога. И это нельзя отметить, но подлинную значимость подобные феномены, равно как и конференции разного рода, обретают лишь при вплетении в ткань мировых событий.

Но что конкретно могут предложить исследователи в такой крайне непростой ситуации?

Прежде всего — это развернутый анализ опыта мировой истории — того опыта, который был накоплен в резуль-

тате сотен и тысяч лет сосуществования представителей различных социумов, этносов, религий.

Второе — это трезвая расстановка акцентов. Акценты на «столкновении цивилизаций», межконфессиональных конфликтах, религиозных войнах правомерны, когда речь идет об исследованиях той или иной сферы человеческого бытия. Но сегодня они уводят нас в сторону от зачастую более глубоких помех диалогу.

Более же глубокие помехи — политические и геополитические. И исторически, и геополитически могли и отчасти могут и сегодня играть свою роль. Но было бы упрощением считать эту роль доминирующей. Так, уже после появления мировых религий комбинации военно-политических союзов определялись далеко не одними религиозными мотивами. В трагически закончившуюся для них битву на Калке (1223), русские и половцы шли вместе. А вот при сокрушении турками последних твердынь Византийской империи Западная Европа не оказала реальной помощи Византии. В ходе бурных событий XVII века, завершившихся «воссоединением Украины с Россией», Хмельницкий временами мог спокойно сближаться с иноверцами татарами. В ходе семилетней войны XVIII века православная Россия сражалась против Пруссии вместе с католической Австрией. В XIX веке, и в Крымскую войну, и в войну конца семидесятых годов XIX века христианская Англия де-факто поддерживала мусульманскую Турцию. Не говоря уже о XX веке и начале XXI.

Третьим кирпичиком, который может быть положен в основу реального диалога, должны стать контакты представителей «образованного класса», опирающихся на опыт истории и сегодняшние возможности СМИ и технологически оснащенной культуры в целом.

Именно здесь уже уместна и совместная деятельность по акцентированию внимания на тех текстах, тех

моделях поведения и образов жизни в целом, которые, сдерживая агрессивность, способствуют плодотворному сосуществованию и взаимодействию народов.

Но все сказанное может стать действенным, когда вкуче с актoрами в политико-экономических сферах мы будем высвечивать и задействовать

в практической сфере понимание общих задач, решение которых необходимо для выживания человечества в целом. Именно конкретные общие задачи, общее дело, которое может рождаться из ручейков отдельных совместных — вот та основа, на которой возможен реально плодотворный диалог представителей разных конфессий.

Литература

1. *Степанянец М.Т.* Восток в диалоге культур // Диалог цивилизаций, как призвание. — М.: РУДН, 2007.
2. *Киплинг Р.* Восток есть Восток. — М.: Художественная литература, 1991.
3. *Рейзвих Андрей.* Степь. Историческая повесть. — Минск: Колоград, 2021.
4. *Кривелев И.А.* История религий. Т. 1. — М.: Мысль, 1975.
5. *Максуд Р.* Ислам / Пер. с англ. В.Новикова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
6. *Кураев А.* О вере и знании — без антиномий // Вопросы философии. — 1992. — № 77.
7. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. — М.: Изд-во социально экономической литературы, 1960.